

ПРОБЛЕМЫ ИДЕНТИЧНОСТИ И СОЦИАЛЬНОЙ АДАПТАЦИИ

УДК 908+7.03(571.1)

С.У. РЕМЕЗОВ И СИБИРСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ В КОНЦЕ XVII – НАЧАЛЕ XVIII в.

Сьюзан Смит-Питер
(Перевод Е.М. Карагеоргий)

Аннотация. В статье дается развернутая характеристика представлений известного энциклопедиста конца XVII – начала XVIII в. Семена Ульяновича Ремезова о мистической сибирской идентичности и особой роли Тобольска как религиозного и политического центра. На основе исторического экскурса выявлены истоки этих представлений, связанные с легитимацией завоевания русскими Сибирского ханства. Специфические черты составленной С.У. Ремезовым карты Сибири и содержание пояснений к ней позволили сделать вывод о восприятии Сибири как Вселенной, а Тобольска – как нового Иерусалима. Это видение подтверждается анализом текста и иллюстраций ремезовской летописи, а также характеристикой архитектурных проектов С.У. Ремезова и его деятельности по реконструкции Тобольской крепости и возведению Тобольского кремля. Результатом комплексного исследования творческого наследия С.У. Ремезова стали обоснование вывода о том, что лейтмотивом его деятельности являлось представление о Тобольске как центре не только Сибири, но и всей Вселенной, а также стремление оформить и закрепить этот образ как в летописании и картографии, так и в архитектурных сооружениях.

Ключевые слова: региональная идентичность, Сибирь, Тобольск

Постановка проблемы. Семен Ульянович Ремезов – сибирский картограф, историк и архитектор конца XVII – начала XVIII в., который всегда стремился представить восточносибирский город Тобольск не только в качестве столицы Сибири, но и как сияющий город на холме, новый Иерусалим. Такая мистическая региональная идентичность характеризовала Сибирь как архипелаг сакральных мест, центром которого был Тобольск. Будучи столицей Сибири Тобольск сам по себе составлял органичное целое и был, по мнению Ремезова, особой Вселенной. Он являлся центром собственного мира, подобно Иерусалиму, который находился в центре средневекового взгляда на мир. Тобольск был не единственным местом в России и за ее пределами, претендовавшим на звание нового Иерусалима. Однако ни одна другая территория в мире не имела большей площади, и, таким образом, ощущение себя как самостоятельной Вселенной было крайне важно. Тобольск был самодостаточен в качестве религиозной и, потенциально, политической

единицы. Как мы увидим далее, жители Тобольска в начале XVIII в. вполне могли представить себе создание независимой Сибири.

У самобытной региональной идентичности Сибири в рамках России длинная история. Сибирь принадлежит к первой категории регионов, Мирославу Гроху, – тех, что представляют собой «бывшие политические единицы», среди которых Моравия, Трансильвания, Бавария, Голландия и др. (Hroch 2009: 4). Это есть также яркий пример ханства, управляемого в качестве периферии¹. Устойчивое ощущение отличия Сибири от русского ядра проистекало из отсутствия здесь крепостного права и огромных размеров территории.

Для Ремезова Сибирь была не холодным отдаленным местом, а любимым Богом регионом, орошаемым могучими реками, прорезающимися сквозь покрытые травой холмы с множеством красивых, благословенных мест. Наибольшее значение для него представлял кремль Тобольска, возвышавшийся на холме над слиянием рек Тобол и Иртыш. Массивные укрепления Тобольска, спроектированные и построенные Ремезовым как напоминание о московских, заявляли о своей значимости для государства, а новые, построенные в стиле барокко церкви в пределах его стен, демонстрировали непреходящую ценность кремля в качестве опоры миссионерской деятельности для русского православия. В представлениях Ремезова о мистической региональной идентичности Сибирь чтилась как место, избранное и освященное Богом, со столицей в городе Тобольске.

Свыше ста лет ученые изучают личность и творческое наследие Ремезова. Ему посвящены многочисленные, но фрагментарные работы. Исследователи занимались его картографией (Багров 1954; Атлас Сибири... 1958; Дергачева-Скоп 1965; Гольденберг 1990; Potter 1994; Postnikov 1996; Kivelson 2006; Белич 2009; Службная чертежная книга... 2006), его работами в качестве летописца Сибири (Armstrong 1975; Солодкин 1997: 149–150), его деятельностью в качестве архитектора Кремля Петровской эпохи в Тобольске (Кириллов 1984; Заварихин, Князев 1995; Brumfield 2006), однако немногие рассматривали творчество Ремезова в совокупности (Witzenrath 2011) или анализировали его видение Тобольска в целом.

Из предыстории сибирской идентичности. Мистическая христианская сибирская идентичность в представлении С.У. Ремезова имела глубокие корни, уходящие во времена начавшейся сразу после завоевания русскими Сибирского ханства легитимации этого самого завоевания, когда христианские летописи «стирали» исламское прошлое. Поскольку в значительной мере сибирская идентичность, по утверждению С.У. Ремезова, проистекала из этого раннего ханства и в то же время являлась его отрицанием, стоит более подробно рассмотреть процесс завоевания и преобразования данной территории. В XV в. контроль

монголов над их бывшими огромными территориями ослаб, ханства, сформировавшиеся в Казани и Сибири и управлявшиеся тюркоязычными мусульманами, известными как татары, правили коренными народами региона (Armstrong 1975: 1). Сибирское ханство охватывало большую часть территории между реками Тобол и Обь, той, что ныне называется Западной Сибирью. После того, как Иван Грозный одержал победу над Казанским ханством в 1552 г., Сибирское ханство встало на пути дальнейшей русской экспансии. Узнав о завоевании Казани, сибирский хан Едигер стал платить дань Москве, что прекратилось с насильственным приходом к власти Кучума в 1563 г. (Perdue 2005: 86). Также являясь потомком Чингисхана, Кучум-хан непримиримо, хотя и безуспешно, противостоял русской экспансии.

В XVI в. ключевую роль в завоевании Сибири сыграла семья Строгановых, нанявшая казачьего атамана Ермака Тимофеевича для борьбы с ханом Кучумом. Центральная фигура многих народных песен, Ермак, предположительно, был волжским речным пиратом, за чью голову было обещано вознаграждение. Участие в покорении Сибири он принял отчасти в надежде получить прощение царя (Harrison 1975: 13–18). В ходе кампании, которую историки сравнивали с кампанией Эрнана Кортеса, Ермак собрал 840 человек (у Кортеса было 617) для похода на Сибирь (Lantzeff, Pierce 1973: 93–107; Lincoln 2007: 41–42). 26 октября 1582 г., в местечке неподалеку от слияния рек Тобол и Иртыш, столицы Кучума и будущего города Тобольска, Ермак встретил Махмет-Кула, племянника хана Кучума, и разгромил татар залпом мушкетного огня (Armstrong 1975: 7; Миненко 1999).

Уступавшие не в численности, но в вооружении татары проиграли бой, однако продолжали противостоять русским в течение нескольких последующих десятилетий (Lincoln 2007: 42–43). Следующей весной посланцы Ермака побывали в Москве, где были тепло приняты Иваном Грозным, направившим Ермаку «длинную тонкую кольчугу, украшенную позолоченными двуглавыми орлами, изображавшимися на головных уборах московских правителей» (43). В 1585 г. в ходе атаки, предпринятой Кучумом, Ермак попытался запрыгнуть в лодку, но не сумел и утонул под тяжестью дарованной царем кольчуги (Lantzeff, Pierce 1973: 105–106). Кучум продолжал борьбу с русскими вплоть до своей смерти (примерно после 1598 г.) (Khodarkovsky 2002: 147). Ранее, в 1597 г., в своем письме русским чиновникам в Сибири он писал: «Со времени прихода Ермака я пытался противостоять вам. Я не отдал вам Сибирь; вы ее захватили. Сейчас давайте устремимся к миру, вероятно, так было бы лучше» (Lantzeff, Pierce 1973: 117). Кучум не обрел мира, и последнее упоминание о нем в 1598 г. содержит его отказ подчиниться царю: «Я не пошел на поклон к Государю, когда я был в здравии и носил меч, почему же я должен пойти сейчас, когда я глух и слеп и всего

лишился? Они забрали моего сына Асманака; если бы я утратил всех своих детей, но сохранил Асманака, я еще мог бы жить, но без него я пойду к ногайцам, а сына своего посылаю в Бухару» (119). Впоследствии Кучум был убит ногайцами или калмыками.

В 1587 г. недалеко от места, где находилась столица Кучума, был основан новый русский город Тобольск. В первой картографической ссылке на Тобольск, сделанной в 1613 г. голландским картографом Гесселем Герритсом, содержалась аннотация «столица Сибири» (*Сибирская метрополия*) (Brumfield 2006: 2, 4). Метрополия, в переводе с греческого языка, – «материнский город» и определяется как «материнский город или страна по отношению к заморской колонии, особенно в древнегреческом языке» (The American Heritage Dictionary... 2000: 1107). Карта 1613 г. основывалась на той, что была нарисована голландским картографом Исааком Мааса с русского оригинала. Мааса сохранил русские названия и просто перевел их на латиницу; эта карта затем была дополнена русской картой, которую Герритс приобрел у царевича Федора Годунова (Schilder 1984: 501)². Таким образом, все источники этой карты были русскими, и можно сделать вывод о том, что, будучи голландской, карта все же отражала русский взгляд на эту территорию. Примечательно, что Москва и Архангельск были единственными городами, показанными на карте во вставках (Brumfield 2006: 2, 4).

После покорения Сибирского ханства русские продолжили использовать его название для обозначения своих все прирастающих восточных земель. Тем самым они заявляли о себе как о законных преемниках ханства, одновременно стирая его мусульманскую идентичность. Впоследствии цари и императоры уравнивали термины «ханство» и «царство». Историки раннего нового времени России заметили, что многие из претензий Московии на законное правление также проистекали из ее роли в качестве преемницы Золотой Орды. Так, стратегия на периферии перекликалась со стратегией центра (Halperin 1985; Ostrowski 1998). Московия также подчеркивала свою христианскую идентичность, как это делал Ремезов в отношении Сибири.

Русская имперская печать – еще один пример того, как империя основывала легитимность на своем статусе преемницы более ранних государств. Иван III первым ввел символ двуглавого орла в подражание печати Священной Римской империи (Wortman 1995: 25). Иван Грозный заимствовал элементы польской печати, среди них – гербы польских земель; в русской версии изображались гербы правителя Новгорода, Казанского и Астраханского царств, а также девяти других городов, включая Псков, Смоленск, Тверь и Вятку, располагавшиеся вокруг двуглавого орла (Лакиер 1990: 149). На печати царя Алексея Михайловича изображался герб Москвы в центре; Киева, Новгорода и Астрахани – в

правой части; Владимира, Казани и Сибири – в левой. Таким образом, ханства получали равное с русскими государствами-предшественниками признание. На печати Екатерины Великой 1769 г. изображены гербы только Москвы, Казани, Астрахани и Сибири, что указывало на особую, ключевую роль нерусских в легитимации государства (149–150). С 1832 по 1859 г. гербы Казани, Астрахани и Сибири располагались на правом крыле орла, а гербы Польши, Таврии и Великого княжества Финляндского – на левом (151). Региональная идентичность была особенно сильна в Сибири, Казани и Астрахани, и память об их некогда независимом статусе, закрепленная в официальных символах Российской империи, сыграла в этом свою роль. Царства и ханства были в равной степени важны в качестве источников законности Русского государства, и те и другие управлялись в качестве периферии. Конечно, некоторые из земель, изображенных на печати, впоследствии вернули себе независимость, продемонстрировав центру риски, связанные с сохранением (ими) собственной идентичности.

Образ Тобольска как центра «нового христианского рая». Важно отметить, что в данной статье речь идет о Сибири в том виде, как она понималась еще до того, как В.Н. Татищев отметил Уральские горы в качестве границы между Европой и Азией, выделяя Сибирь как азиатскую и отличную от Европейской России территорию (Bassin 1991: 768). Во времена до Татищева Сибирь отмечалась не как азиатская часть, но как новый христианский рай. В автобиографии Аввакума, религиозного диссидента XVII в., сосланного в Тобольск, Сибирь, включая ее восточную часть и четыре главные реки, наглядно связывается с раем (Ташлыков 2004: 259).

Местом, где это новое видение Сибири в качестве нового необъятного христианского рая было впервые сформулировано, стало архиепископство Тобольское. С назначением в 1621 г. первого архиепископа в Тобольск город стал центром «культурного сепаратизма» (Лихачев 1989: 447; Lincoln 2007: 59). Архиепископство «приступило к решению задачи включения народов Сибири, ее территорий и прошлого в русскую – и, таким образом, в общую христианскую – литературную и религиозную традицию» (Slezkine 1994: 41). Посредством летописей и церковных писаний Дома архиепископа Тобольского архиепископ способствовал восприятию Тобольска как части Московии и христианского мира, даже несмотря на различия между ними (Лихачев 1989: 447). Схожее ощущение отличительности регионов в рамках большего целого в то время существовало и в случае с Фландрией, где религия служила средством определения региона (Holford 2007; Esser 2009). То же самое наблюдается и в Сибири: самые ранние работы по Сибири сосредоточивают свое внимание на регионе как на христианской территории. Это может рассматриваться как продолжение завоевания, поскольку предыдущий исламский статус региона³ был ликвидирован.

Первый архиепископ Сибирский и Тобольский Киприан (Старорусенков) был важной политической фигурой в Новгороде во время и после Смуты. Он выступал в качестве посредника между оккупированным шведами Новгородом и Московией. Когда шведы направили его к первому царю Романовых, Михаилу Федоровичу, в качестве посланника, он умолял царя о пощаде и сообщил ему о действиях, предпринимаемых шведами. После его возвращения в Новгород шведы подвергли его пыткам, но он отказался отречься (Ромодановская 2002: 358). За его страдания Михаил Федорович в 1620 г. нарек Киприана первым архиепископом Тобольска, куда последний торжественно прибыл год спустя. Киприан разделял новгородское представление о верховенстве церкви над государством и стремился «к полной независимости в ее руководстве – независимости не только от местных, но и от центральных властей» (Очерки русской литературы 1982: 50). Сам Киприан был суровым, гордым и самоуверенным и даже сверг Тобольского правителя (воеводу), обличив его перед царем (Ромодановская 2002: 359, 365).

Киприан стремился воссоздать облик Новгорода в Тобольске, включая строительство деревянного собора Святой Софии по образу и с соблюдением всех черт новгородского собора (Лихачев 1947: 394). Он также привез новгородские святыни и икону в Тобольск, где население, многие из которого происходили с Русского Севера, приветствовало их (Окладников 1982: 48). Подобно тому, как дом архиепископа Новгородского был центром летописания, новый дом архиепископа Тобольского Киприана служил той же цели. Киприан добился того, что у города были земли и крепостные, необходимые для самообеспечения, еще в течение длительного времени после окончания его двухлетнего пребывания в Тобольске (Ромодановская 2002: 359)⁴.

Сибирские летописи XVII в. представляли важный противовес по отношению к нарастающей централизации летописания в Московии. При том, что сибирские летописи чтить включение Сибири в Московию и в христианский мир, они сосредоточивали свое внимание на Сибири, а не на Романовых. К XVII в. у Московии были веские дипломатические, политические и военные основания для развития новых форм исторического письма, не предполагавших, в отличие от летописей старого стиля, последовательного изложения событий по годам. Московские правители также стремились к тому, чтобы летописи придерживались московского видения событий. В 1657 г. царь Алексей Михайлович создает Записной приказ для фиксирования официальной истории. Несмотря на то что традиции написания и чтения летописей продолжали влиять на создание и восприятие новых исторических жанров, Романовы утратили интерес к летописанию в старом стиле (Лихачев 1947: 375–377)⁵. Новые имперские жанры сосредоточили свое внимание на правящей семье; хронографы теперь

организовывали материал, основываясь на правлении царей, а не по годам (Клосс 2000: 338).

Напротив, три основные летописи о покорении Сибири – Строгановская, Есиповская и Ремезовская – рассматривали Сибирь в рамках Московии и христианского мира, но именно она (Сибирь) была в центре их внимания. Москва на разных этапах летописания оказывала на него свое влияние, но, тем не менее, отражение в этих летописях находила именно сибирская, а не московская перспектива. Одной из тем летописей было то, что Тобольск является законным преемником столицы хана Кучума, и что оба города являлись столицей Сибири. Строгановская летопись, написанная в течение XVII в. с целью подчеркнуть роль семьи Строгановых во взятии Сибири, утверждала, что татары во главе с ханом Кучумом были встревожены известием о прибытии правителя (воеводы) из Москвы. В летописи отмечено: «Татар, опасавшихся частых приходов русских войск, это встревожило, и они оставили город, который до этого был татарской столицей в Сибири, расположенной в месте слияния рек Тобол и Иртыш и называвшейся Сибирь. Они бросили этот город. Русские войска пришли, заселились и значительно укрепили его; сейчас это город Тобольск, хранимый Богом» (Armstrong 1975: 59).

Есиповская летопись, которую Савва Есипов, служивший при архиепископстве Тобольском, завершил 15 марта 1649 г., была еще более определенной в своем утверждении примата Тобольска над Сибирью: «В 7095 [1587] году, во время правления Благочестивого Государя, Царь и Великий Князь Федор Иванович всея Руси, в соответствии с его царской волей, отправил из Москвы Государева воеводу Данилу Чулкова с многочисленным войском. Согласно Государеву распоряжению они достигли реки Иртыш в десяти верстах от города Сибирь; ему было приятно осветить эту землю во славу Отца и Сына и Святого Духа. Она пришла на смену Сибири в качестве главного города. Тобольск был во главе, поскольку именно здесь произошло покорение проклятых безбожников, и, таким образом, он занял место Сибири в качестве правящего города» (Armstrong 1975: 26, 80).

Данный текст говорит о Тобольске, который по размерам не совпадал с городом Сибирь, однако приобрел статус «правлящего города» благодаря решительным действиям казаков и установлению русского контроля. Так, в XVII в. сторонники Тобольска, казалось, почти или вовсе не испытывали чувства неполноценности в отношениях с Москвой и гордились лидирующей ролью своего города в Сибири (Kivelson 2006).

Мистическая региональная идентичность в картографии и летописании С.У. Ремезова. Аналогичным образом картограф Семен Ремезов, работая в конце XVII – начале XVIII в. по воле царя Алексея Михайловича и Петра Великого, чтит Тобольск как «Богом спасенный» город,

даже отводя ему центральное место во всем мире. Ремезов принадлежал к служилому классу детей боярских (сын боярский), возможно, был казаком. Он родился в Тобольске в 1642 г., был внуком человека из двора патриарха Филарета, сосланного вследствие неизвестного проступка, и сыном советника воеводы Тобольска (Hellie 1971: 28; Гольденберг 1990: 78–98). Ремезов создал три атласа Сибири: *Хорографическую книгу* 1697–1711 гг., *Чертежную книгу* 1699–1701 гг. и *Служебную книгу* 1702–1703 гг. В последнюю он включил карту Сибири, где Тобольск окружен красным ореолом, – своего рода сияющий город в степи (Kivelson 2006: 133, вкладыш 18). Действительно, Ремезов открыто связывал Тобольск с Иерусалимом, поясняя: «По отношению к центру мира, городу Иерусалиму, Тобольск расположен ближе к холодным странам, ближе к северу, в степи... Поднебесной планетой, под солнцем, он цветет счастьем и красотой» (138). Характерно, что Москве на этой карте места не отводилось, хотя Казань располагалась здесь в дальнем правом углу. Подобно другим московским картам, карты Ремезова были ориентированы на юг.

Как отмечает Валери Кивельсон, Ремезов «фактически создал центр в том месте, которое в общепринятом понимании являлось периферией» (2006: 138). На другой удивительной карте Тобольск недвусмысленно располагался в центре мира, с концентрическими кругами, расходящимися от него в соответствии с картографической традицией в отношении Иерусалима. Текст карты «описывает кольца опасных хорд, что окружают город, а также естественные ограждения, возведенные здесь для его охраны» (Kivelson 2006: вкладыш 23). В то время как Тобольск изображался как конклав многочисленных церквей, все остальные поселения в сравнении с ним были крохотными: некоторые из них изображены как палатки, некоторые – как одиночные церкви. Как и на другой карте, Москва здесь не была отмечена.

Видение Ремезова не ограничивалось одним только городом, оно также включало всю Сибирь. Тобольск был ее сердцем, которое было само по себе полноценным. Например, в барочной аналогии, что демонстрирует его владение риторической традицией, Ремезов писал о Сибири, словно это был «миролюбивый ангел. Главой и ядром всего являются Тобольск, Тюмень и Томск; два плеча – это две части Тобольска, Златоразрядная [и] Софийская части; правая рука с пальцами – приятные, обеспеченные окрестности; левая рука и пальцы – город Березов». Другими составляющими этой метафоры были Иркутск в качестве золотых одежд и медный лук как «сибирские нравы» (Ely 2002: 29; Kivelson 2006: 138). Это не сепаратистское видение, но видение, согласно которому Сибирь представлялась в качестве Вселенной, как отметил Ремезов в заключении к *Служебной книге*, которую он описывает как атлас «Вселенной [*на Вселенной*] внутри Сибири; верховный го-

род Тобольск и города, поселения, форпосты, деревни и села под юрисдикцией приказа» (Kivelson 2006: 144). Под приказом здесь понимается Сибирский приказ. В «Описании народов Сибири и граней их земель», что «написано по приказу великого Государя слугой Тобольским Семеном Ульяновичем Ремезовым, на 7206 году от рождения Адама, на 1698 году от Рождества Христова, на 118 году со взятия Сибири» (143), Ремезов наделил Сибирь собственной священной хронологией, подчеркивая ее особую благословенную природу, при этом несомненно законным рассматривалось им и правление царя.

Ремезовская летопись, завершенная С.У. Ремезовым и его сыном Леонтием примерно в 1700 г., обеспечивает историческое обоснование того, что Тобольск есть центр Вселенной – сияющий город на холме, – которое дополняет другие его работы. Согласно Ремезову, Тобольск был тем средством, с помощью которого Господь решил освятить Сибирь. Ремезов уделяет много внимания в своей летописи описанию святых образов Тобольска до и после его основания. В самом начале летописи, в главе «История Сибири», Ремезов связывает Тобольск с Богом: «С начала времен наш христианский Бог, Всевидящий... заветал проповедовать Евангелие по всей Сибири и до края Вселенной, и гор, и прославленного города Тобольска» (Armstrong 1975: 88). Глава сопровождается иллюстрацией с изображением Божьего ока над раскрытой книгой, потоки света из которого освещают 22 сибирских города; необозначенному городу, очевидно представляющему собой Тобольск, расположенному в нижней части иллюстрации, достается больше всего света. Выбор Господом Тобольска в качестве центра Сибири и, таким образом, Вселенной, несомненен. Глава 139 содержит схожее изображение над надписью «Сибирь, освещенная Божественным проявлением и прославленная». В тексте говорится о том, что во время прихода сюда Ермака «земля была освещена таким светом неопишуемой радости... словно орел накрыл свое гнездо Сибирь с птенцами и наделил каждый город пером своей славы» (248–249). Иллюстрация изображает орла, посылающего перья и языки пламени каждому из сибирских городов, и самому крупному из них – Тобольску, в нижней части.

Еще до основания города, согласно Ремезову, Тобольск представлялся непокоренным татарам как город, сияющий в воздухе: «На протяжении лет правители, регенты, муллы, проповедники и неверующие продолжали наблюдать на месте нынешнего Тобольска с его Собором и колокольной образ сияющего христианского города, парящего над землей с церквями и великим колокольным звоном» (Armstrong 1975: 112). Это отсылает к Нагорной проповеди Иисуса Христа: «Ты – свет мира. Город, расположенный на холме, не может быть сокрыт» (Евангелие от Матфея, 5:14). Иллюстрация состоит из образа укрепленного города с несколькими церквями, озаряющего степь лучами света, в то время как

люди в тюрбанах и длиннополых одеждах наблюдают за ним с правой стороны (Armstrong 1975: 112). В летописи это видение нашло отражение в записи о том, что в 1587 г. воевода Данило Чулков по приказу царя Федора Ивановича «доплыл до места назначения и напротив устья Тобола построил на холме город под названием Тобольск, первую среди всех остальных городов столицу и возвел первый храм в честь Святой Троицы, а на подъеме – другой – храм Всемилоственного Спаса» (227). На иллюстрации изображены речная система и город Тобольск, окруженные очертаниями гор, которыми на русских картах в то время обозначалась возвышенность. Подобно описанному выше образу, он укреплен, имеет несколько церквей. Вдобавок виден двор, в котором люди приближаются к сидящей фигуре, таким образом, подчеркивается своего рода правопреемство Тобольска в качестве столицы.

Архитектурные проекты С.У. Ремезова: замыслы и реализация. Ремезову представилась необычная возможность реализовать свое видение Тобольска, когда ему было поручено значительно расширить городскую крепость. Однако работа была прервана вследствие суда и казни за различные преступления Сибирского губернатора Матвея Гагарина, что породило в Тобольске легенду о попытке создания независимого Сибирского царства (Акишин 1996). Сибирским приказом Ремезову было поручено переконструировать укрепительные сооружения Тобольска, заменив прежний деревянный частокол в стиле Русского Севера на каменную крепость, достойную сибирской столицы. С одобрения Сибирского приказа митрополит Павел начал перестраивать Тобольскую крепость в 1680-е гг. В 1698 г. Ремезов прибыл в Сибирский приказ в Москве, где прошел подготовку по западной «итальянской» архитектуре (Brumfield 1993: 169). Вернувшись, он принялся за строительство Тобольского кремля, который бы донес новый петровский имперский барочный стиль до иных земель, как было в случае с Ярославлем, Тотьмой, Казанью и другими городами (Shvidkovsky 2007: 184). По Указу Петра I от 27 апреля 1709 г. кремль Тобольска должен был быть «сооружен по примеру Московского» (Ремезов Служебная чертежная книга...: 25). Ремезов представил Сибирскому приказу пять вариантов Тобольского кремля, при этом удивительно то, что длина стен от плана к плану увеличивалась. К тому же большая часть важнейших городских сооружений, в частности купеческий двор, была перенесена в пределы стен кремля, что предполагало наличие угрозы нападения (Заварихин, Князев 1995: 111).

Работа Ремезова над Тобольским кремлем тесно связана с великой Северной войной, которая столкнула Петра Великого с королем Швеции Карлом XII. По итогам войны, продолжавшейся с 1700 по 1721 г., Россия утвердилась в качестве великой европейской державы, в то время как Швеция навсегда утратила свой статус крупнейшей военной си-

лы в Европе (Hughes 1998: 24–38). Поскольку Петру Великому требовалось больше налогов и дани от Сибири для ведения войны, необходимо было укрепить административный центр Сибири с тем, чтобы он мог отразить внутреннее или внешнее нападение. Опасение нападения явно обозначено в *Служебной книге* Ремезова, в которой представлены изображения европейских осадных машин, угрожающих городу, и крепостные валы, которые он должен был построить для защиты Тобольской крепости (*Служебная чертежная книга* 2006: 27). Вдобавок, поскольку многие шведские военнопленные были расквартированы здесь, чиновники действительно могли опасаться нападения с их стороны. Тобольск был настолько стратегически важен для Петра I, что он позволил продолжить здесь строительство из камня даже после издания в 1714 г. Указа, запрещающего такое строительство везде, кроме Санкт-Петербурга (Заварихин, Князев 1995: 118).

Ремезов чувствовал, будто выполняет божественную, но также и царскую задачу, перестраивая крепость Тобольска. В Ремезовской летописи изображение Тобольска в виде «христианского города, сияющего в воздухе», упомянутое ранее, представлено не как деревянное укрепительное сооружение в стиле Русского Севера, просуществовавшее до конца XVII в., но как город, который Ремезов сам должен был спроектировать и построить, с кремлем по образу московского и церковью в стиле барокко (Armstrong 1975: 112)⁶. Ремезов сыграл важную роль во введении стиля барокко в Сибири, проектируя свои церкви на основе архитектурной книги, которую он получил в Москве. Барочная архитектура слилась с местными архитектурными формами, что привело к появлению тобольского барокко, представляющего собой сочетание европейских и азиатских форм (Заварихин, Князев 1995: 6). Изображения, содержащиеся в этой летописи, таким образом, необычны вследствие наслоения времени и верований, нашедших здесь свое отражение. Татары, скорее, были свидетелями того, как Ремезов собирался строить будущий христианский город, а не самого города. Мусульманским бывшим правителям было дано видение нового христианского города, который вобрал в себя не только традиционные русские черты крепости, но также европейское влияние барочной архитектуры, для распространения которой сделал многое Петр Великий.

Одно из двух сохранившихся до сих пор строений Ремезова – купеческий двор (*Гостинный двор*) – также переключается с представленным в Ремезовской летописи кремлем. Строительство его началось в 1703 г. в ответ на указ Петра, вышедший годом ранее, призывавший к наращиванию торговли с Центральной Азией, Индией, Китаем и Афганистаном (Заварихин, Князев 1995: 114). Построенное спустя пять лет здание предназначалось для лавок купцов, которые ранее торговали в собственном районе к югу от кремля через реку (115). Уильям Брумфилд

описывает его так: «Четырехугольный по форме, с угловыми башнями в средневековом стиле, Гостиный двор должен был упорядочить сибирскую торговлю, как местную, так и удаленную. Для этого в двухэтажных строениях располагалась таможня в дополнение к 67 торговым палаткам, открытым во внутреннем дворе, очевидно, в целях безопасности» (Brumfield 2006: 15)⁷. Несмотря на внешний вид, отсылающий к западноевропейским замкам, он был организован таким образом, чтобы торговля проходила во внутреннем дворе, как в восточных караван-сараях (Кириллов 1984: 91)⁸. Он был огромен, лишь немного уступая в размерах московскому Гостиному двору, построенному в 1665 г. Как бы напоминая о мусульманских правителях Сибирского ханства, формы кремля отражали нечто, содержащее Восток.

Другое строение Ремезова красноречиво воплощает устремления и реальное положение Тобольска в Российской Империи. Казначейство (рентерея, место хранения мехов, привезенных в качестве дани царю коренными народами), или Шведская палата, в настоящее время соединяет две части Тобольского кремля, представляющего собой длинное одноэтажное строение с наличниками в московском стиле⁹. В 1713 г. от 80 до 170 шведских заключенных выполняли в Тобольске «городские работы» и получали за это 290 руб., а также продовольственные пайки (Акишин 1996: 195).

Первоначально Ремезов планировал построить триумфальные ворота, достойные торжественных государственных мероприятий, под названием Ворота Святого Дмитрия в память о победе Ермака над Кучумом в День Святого Дмитрия, важнейшей даты для города Тобольска (Кириллов 1984: 88–89). Именно для строительства этих ворот Петр сделал исключение, разрешив, помимо Санкт-Петербурга, каменное строительство и здесь. Однако они так и не были построены, поскольку князь Матвей Гагарин, управлявший Сибирью с 1711 по 1720 г., распорядился вместо них сосредоточить усилия на строительстве укрепительных сооружений, и прежде чем он мог вновь вернуться к плану строительства ворот, он был отозван в Москву¹⁰. Триумфальные ворота, подобные тем, что проектировал Ремезов, отнесли бы Тобольск к Иерусалимской традиции и заявили бы о его центральном положении. Интересно, что в 1709 г. Гагарину было поручено построить триумфальные ворота в Москве в честь празднования победы Петра Великого в Полтавском сражении (Hughes 1998: 206). Один из тобольских историков говорил о связи между непостроенными триумфальными воротами и предполагаемыми сепаратистскими планами Гагарина, включая создание собственного Сибирского царства, возможно, с помощью шведских военнопленных, удерживаемых в Тобольске. С приходом Гагарина строительство в кремле ускориилось после нескольких лет фактического застоя; после его отъезда в Москву и казни оно полностью

было прекращено (Заварихин, Князев 1995: 117). Незавершенное здание продолжает стоять как свидетельство того, какую роль центр был готов предоставить Сибири – в качестве хранилища ресурсов, но не центра как такового.

Выводы. Анализ различных аспектов жизни и деятельности Ремезова показывает, что вера в Тобольск как центр Сибири и, фактически, всей Вселенной пронизывала всю его работу. Ремезов видел Сибирь не периферией, но самим центром. В Москве, однако, были иные представления, и архитектурный проект Ремезова не получил своего завершения.

Примечания

¹ Выражение «королевство, управляемое в качестве периферии» употребляется в отношении Шотландии, Неаполя (Robertson 2005: 147–200).

² Герритс был картографом в Голландской Ост-Индской компании, заинтересованной в процессе исследования Северного морского пути в изучении картографии Сибири, которую Московское государство желало сохранить в тайне.

³ Впрочем, собственно «исламской», исламизированной могла быть названа лишь незначительная часть территории Западной Сибири (прим. гл. ред.).

⁴ Фактически, эти царские дарения земли стали причиной трений с новым губернатором и окончательного изгнания Киприана.

⁵ Однако Насонов (1969: 478–499) утверждает, что государство продолжило летописание вплоть до Петра Великого, хотя его объем и значение были иными, чем прежде.

⁶ Кириллов (1984: 46) предполагает, что форма кремля оказала влияние на потенциально сепаратистские идеи сибирского губернатора Матвея Гагарина, о котором будет сказано ниже. Детали рисунков из летописи см.: <http://www.mmedia.nsu.ru/remezov/ybook/obj85/INTERFACE.htm>.

⁷ Фотографии см.: <http://www.loc.gov/pictures/resource/ppmsc.04021>.

⁸ Верхние башни, построенные в западноевропейском средневековом стиле, были добавлены позднее, но основная часть кремля осталась прежней (Кириллов 1984: 92).

⁹ Современный вид Казначейства. см.: <http://www.allcastles.ru/photos/castles/album/457/photo/2898>

¹⁰ Петр Великий назначил Гагарина управляющим Сибирью не позже апреля 1706 г. С этого же года он являлся также ответственным за вооружения (Bushkovtich 2001: 276–277). В 1710 г. Гагарин не смог набрать необходимое количество рекрутов от Сибири, и Петр приказал заковать его в кандалы и отправить в тюрьму на два дня (302). Рыженков (2008: 66) утверждает, что Гагарин прибыл в Тобольск 6 октября 1712 г.

Литература

Акишин М.О. Полицейское государство и сибирское областничество. Эпоха Петра Великого. Новосибирск, 1996.

Атлас Сибири Семена У. Ремезова. Факсимильное издание / Предисл. Л. Багрова. Гаага, 1958.

Багров Л. Семен Ремезов – сибирский картограф // *Imagomundi*. 1954. № 11. С. 111–125.

Белич И.В. Чертеж «Кучумово городище» из «Хорографической чертежной книги» С.У. Ремезова // *Вестник Тюменского государственного университета*. 2009. № 7. С. 90–100.

- Гольденберг Л.А. Изограф земли Сибирской: жизнь и труды Семена Ремезова. Магадан, 1990.
- Дергачева-Скоп Е.И. «Похвала» Сибири С.У. Ремезова // Труды отдела древнерусской литературы. 1965. № 21. С. 266–274.
- Евангелие от Матфея, 5:14.
- Заварихин С.П., Князев В.В. Экология зодчества: о некоторых объективных основах «второй природы». СПб., 1995.
- Кириллов В. Тобольск. М., 1984.
- Клосс Б.М. Летописи // Отечественная история: История России с древнейших времен до 1917 года. М., 2000.
- Лакиер А.Б. Русская геральдика. М., 1990.
- Лихачев Д.С. История русской литературы XI–XVII веков. М., 1989.
- Лихачев Д.С. Русские летописи и их культурно-историческое значение. М.; Л., 1947.
- Миненко Н.А. Поход Ермака в контексте восточной политики московского государства // Чердын и Урал в историческом и культурном наследии России / Под ред. Г.Н. Чадина и др. Пермь, 1999. С. 106–111.
- Насонов А.Н. История русского летописания XII – начала XVIII века. М., 1969.
- Очерки русской литературы Сибири / Гл. ред. А.П. Окладников. Новосибирск, 1982. Т. 1.
- Ромодановская Е.К. Сибирь и литература. XVII век. Избранные труды. Новосибирск, 2002.
- Рыженков М.П. Губернии в России при Петре Великом (300-летие первой губернской реформы в России). М., 2008.
- Служебная чертежная книга. Семен Ремезов и сыновья [Текст]: текст рукописи Российской национальной библиотеки. Тобольск, 2006.
- Солодкин Я.Г. История позднего русского летописания. М., 1997.
- Ташлыков С.А. Сибирь в древнерусской литературе // Сибирь: Взгляд извне и изнутри. Духовное измерение пространства. Иркутск, 2004. С. 255–262.
- Armstrong T. Yermak's Campaign in Siberia: A Selection of Documents / Trans. by Tatiana Minorsky and David Wileman. London: The Hakluyt Society, 1975.
- Bassin M. Inventing Siberia: Visions of the Russian East in the Early Nineteenth Century // American Historical Review. 1991. Vol. 96, № 3.
- Brumfield W.A. History of Russian Architecture. Cambridge, 1993.
- Brumfield W.A. Tobolsk: Architectural Heritage in Photographs. Moscow, 2006.
- Bushkovitch P. Peter the Great: The Struggle for Power, 1671–1725. Cambridge, 2001.
- Ely C. This Meager Nature; Landscape and National Identity in Imperial Russia. DeKalb, IL, 2002.
- Esser R. Flandria Illustrata: Flemish Identities in the Late Middle Ages and the Early Modern Period // Frontiers, Regions and Identities in Europe / Ed. Steven G. Ellis et al. Pisa, 2009. P. 143–162.
- Halperin C.J. Russia and the Golden Horde: The Mongol Impact on Medieval Russian History. Bloomington, 1985.
- Harrison W. Yermak as folk-hero // Yermak's Campaign in Siberia. A Selection of Documents / Trans. by Tatiana Minorsky and David Wileman. London: The Hakluyt Society, 1975. P. 13–18.
- Hellie R. Enserfment and Military Change in Muscovy. Chicago, 1971.
- Holford M. The North and the Dynamics of Regional Identity in Later Medieval England // An Agenda for Regional History / Ed. Bill Lancaster et al. Newcastle upon Tyne, 2007. P. 303–320.
- Hroch M. Regional Memory: Reflections on the Role of History in (Re)constructing Regional Identity // Frontiers, Regions and Identities in Europe / Ed. Steven G. Ellis and Raingard Esser. Pisa, 2009.
- Hughes L. Russia in the Age of Peter the Great. New Haven, 1998.

- Khodarkovsky M.* Russia's Steppe Frontier: The Making of a Colonial Empire, 1500–1800. Bloomington, IN, 2002.
- Kivelson V.* Angels in Tobolsk: Celestial Topography and Visionary Administration in Late Muscovite Siberia // Harvard Ukrainian Studies. 2006. Vol. 28, № 1–4. P. 543–556.
- Kivelson V.* Cartographies of Tsardom: The Land and its Meanings in Seventeenth-Century Russia. Ithaca, 2006.
- Lantzeff G.V., Pierce R.A.* Eastward to Empire: Exploration and Conquest on the Russian Open Frontier, to 1750. Montreal, Ont., 1973.
- Lincoln W.B.* The Conquest of a Continent: Siberia and the Russians. Cornell University Press, 2007.
- Ostrowski D.* Muscovy and the Mongols: Cross-Cultural Influences on the Steppe Frontier, 1304–1589. Cambridge, UK, 1998.
- Perdue P.C.* China Marches West: The Qing Conquest of Central Eurasia. Cambridge, MA, 2005.
- Postnikov A.* Russia in Maps: A History of the Geographical and Cartographical Study of the Country. Moscow, 1996.
- Potter S.* On the Thematic Illustrations in Eighteenth-Century Russian Cartography // Acta Slavica Iaponica. 1994. № 12. P. 180–204.
- Robertson J.* The Case for the Enlightenment: Scotland and Naples 1680–1760. Cambridge, England, 2005.
- Schilder G.* Development and Achievements of Dutch Northern and Arctic Cartography in the Sixteenth and Seventeenth Centuries // Arctic. 1984. Vol. 37, № 4. P. 493–514.
- Shvidkovsky D.* Russian Architecture and the West. Trans. Anthony Wood. New Haven, 2007.
- Slezkine Yu.* Arctic Mirrors: Russia and the Small Peoples of the North. Ithaca, NY, 1994.
- The American Heritage Dictionary of the English Language.* 4th ed. Boston, 2000. 1107.
- Witzenrath C.* S.U. Remezov, Cossack Adventurer, and the Opening of Siberia // Portraits of Old Russia: Imagined Lives of Ordinary People, 1300–1725 / Ed. Donald Ostrowski and Marshall Poe. Armonk, NY, 2011. P. 209–221.
- Wortman R.S.* Scenarios of Power: Myth and Ceremony in Russian Monarchy, Volume One: From Peter the Great to the Death of Nicholas I. Princeton, 1995.

Статья поступила в редакцию 19 мая 2014 г.

Smith-Peter Susan, College of Staten Island / City University of New York (New York, USA)
S.U. REMEZOV AND SIBERIAN IDENTITY IN THE LATE 17th AND EARLY 18th CENTURIES

Abstract. The paper presents the detailed characteristics of ideas of the well-known polymath that was active in the late 17th to the early 18th centuries, Semyon Uliyanovich Remezov, about mystical Siberian identity and the special role of Tobolsk as a religious and political centre. The origins of these ideas related to the legitimation of the Russian conquest of the Siberian Khanate are revealed through a historical review. The specific features of the map of Siberia compiled by Semyon U. Remezov, as well as the commentary to it, allowed for concluding that Siberia was considered as a Universe, with Tobolsk being perceived as a new Jerusalem. This understanding is confirmed by the analysis of the text and illustrations of the Remezov Chronicles and by that of the characteristics of Remezov's architectural projects as well as of his activities as to the reconstruction of Tobolsk Fortress and the building of Tobolsk Kremlin. As a result, the integrated study of the heritage and works by S.U. Remezov helps support the conclusion that the main theme line of his activities was the idea of Tobolsk being a centre of not only Siberia but of the whole of the Universe, along with his pursuit to establish this image in the chronicles, cartography, and architectural structures.

Key words: regional identity, Siberia, Tobolsk

References

- Akishin M.O. *Politseiskoe gosudarstvo sibirskoe oblastnichestvo. Epokha Petra Velikogo* [The police state and Siberian regionalism. The era of Peter the Great]. Novosibirsk, 1996.
- Atlas Sibiri Semena U. Remezova*, faksimil'noe izdanie [The Atlas of Siberia by Semyon U. Remezov, facsimile edition]. Introduction by L. Bagrova. Hague, 1958.
- Bagrov L. *Semen Remezov – sibirskii kartograf* [Semyon Remezov – Siberian cartographer], *Imago mundi*, 1954, no. 11, pp. 111–125.
- Belich I.V. *Chertezh «Kuchumovo gorodishche» iz «Khorograficheskoi chertezhnoi knigi» S.U. Remezova* [The drawing of 'Kuchumovo gorodishche' (Kuchumovhillfort) from the 'Khorograficheskaya kniga' (cartographical sketch book) by S.U. Remezov], *Vest. Tiimenskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2009, no. 7, pp. 90–100.
- Gol'denberg L.A. *Изграф земли Сибирской: zhizn' i trudy Semena Remezova* [The isograph of the Siberian land: the life and work of Semyon Remezov]. Magadan, 1990.
- Dergacheva-Skop E.I. *«Pokhvala» Sibiri S.U. Remezova* ['In praise of Siberia' by S.U. Remezov], *Trudy otdela drevnerusskoi literatury*, 1965, no. 21, pp. 266–274.
- Matthew 5:14*. English Standard Version.
- Zavarikhin S.P., Kniazev V.V. *Ekologiya zodchestva: o nekotorykh ob"ektivnykh osnovakh «vtoroj prirody»* [The ecology of architecture: on some objective fundamentals of the 'second nature']. St. Petersburg, 1995.
- Kirillov V. *Tobol'sk*. Moscow, 1984.
- Kloss B.M. *Letopisi, Otechestvennaia istoriia: Istoriia Rossii s drevneishikh vremen do 1917 goda* [Chronicles, National history: the history of Russia from ancient times to the year 1917]. Moscow, 2000.
- Lakier A.B. *Russkaia geraldika* [The Russian heraldry]. Moscow, 1990.
- Likhachev D.S. *Istoriia russkoi literatury XI–XVII vekov* [The history of Russian literature of the 11th to 17th centuries]. Moscow, 1989.
- Likhachev D.S. *Russkie letopisi i ikh kul'turno-istoricheskoe znachenie* [The Russian chronicles and their cultural and historical significance]. Moscow; Leningrad, 1947.
- Minenko N.A. *Pokhod Ermaka v kontekste vostochnoi politiki moskovskogo gosudarstva, Cherdyn' i Ural v istoricheskom i kul'turnom nasledii Rossii* [Yermak's campaign in the context of the Moscow state's Eastern policy, Cherdyn' and the Urals in the historical and cultural heritage of Russia], eds. G.N. Chadina et al. Perm', 1999, pp. 106–111.
- Nasonov A.N. *Istoriia russkogo letopisaniia XII – nachala XVIII veka* [The history of Russian chronicles of the 12th to the early 18th centuries]. Moscow, 1969.
- Ocherki russkoi literatury Sibiri* ed. A.P. Okladnikov [The essays on Russian literature of Siberia]. Novosibirsk, 1982, vol. 1.
- Romodanovskaia E.K. *Sibir' i literatura. XVII vek. Izbrannye trudy* [Siberia and literature. The 17th century. Collected works]. Novosibirsk, 2002.
- Ryzhenkov M.P. et al. *Gubernii v Rossii pri Petre Velikom (300-letie pervoi gubernskoi reformy v Rossii)* [Provinces in Russia under Peter the Great (the 300th anniversary of the first provincial reform in Russia)]. Moscow, 2008.
- Sluzhebnaia chertezhnaia kniga. Semen Remezov i synov'ia* [Tekst]: tekst rukopisi Rossiiskoi natsional'noi biblioteki [The service book of drafts. Semyon Remezov and children [Text]: the text of chronicles of the Russian national library]. Tobol'sk, 2006.
- Solodkin Ia.G. *Istoriia pozdnego russkogo letopisaniia* [History of the late Russian chronicles]. Moscow, 1997.
- Tashlykov S.A. *Sibir' v drevnerusskoi literature, Sibir': Vzgliad izvne i iznutri. Dukhovnoe izmerenie prostranstva* [Siberia in old Russian literature, Siberia: a view from outside and inside. A spiritual dimension of space]. Irkutsk, 2004, pp. 255–262.
- Armstrong T. *Yermak's Campaign in Siberia: A Selection of Documents*, trans. by Tatiana Minorsky and David Wileman. London: The Hakluyt Society, 1975.

- Bassin M. *Inventing Siberia: Visions of the Russian East in the Early Nineteenth Century*, *American Historical Review*, 1991, vol. 96, no. 3.
- Brumfield W.A. *History of Russian Architecture*. Cambridge, 1993.
- Brumfield W.A. *Tobolsk: Architectural Heritage in Photographs*. Moscow, 2006.
- Bushkovitch P. *Peter the Great: The Struggle for Power, 1671–1725*. Cambridge, 2001.
- Ely C. *This Meager Nature: Landscape and National Identity in Imperial Russia*. DeKalb, IL, 2002.
- Esser R. *Flandria Illustrata: Flemish Identities in the Late Middle Ages and the Early Modern Period*, *Frontiers, Regions and Identities in Europe*, ed. Steven G. Ellis et al. Pisa, 2009, pp. 143–162.
- Halperin C.J. *Russia and the Golden Horde: The Mongol Impact on Medieval Russian History*. Bloomington, 1985.
- Harrison W. *Yermak as folk-hero, Yermak's Campaign in Siberia. A Selection of Documents*, trans. by Tatiana Minorsky and David Wileman. London: The Hakluyt Society, 1975, pp. 13–18.
- Hellie R. *Enserfment and Military Change in Muscovy*. Chicago, 1971.
- Holford M. *The North and the Dynamics of Regional Identity in Later Medieval England, An Agenda for Regional History*, eds. Bill Lancaster et al. Newcastle upon Tyne, 2007, pp. 303–320.
- Hroch M. *Regional Memory: Reflections on the Role of History in (Re)constructing Regional Identity*, *Frontiers, Regions and Identities in Europe*, eds. Steven G. Ellis and Raingard Esser. Pisa, 2009.
- Hughes L. *Russia in the Age of Peter the Great*. New Haven, 1998.
- Khodarkovsky M. *Russia's Steppe Frontier: The Making of a Colonial Empire, 1500–1800*. Bloomington, IN, 2002.
- Kivelson V. Angels in Tobolsk: Celestial Topography and Visionary Administration in Late Muscovite Siberia, *Harvard Ukrainian Studies*, 2006, vol. 28, no. 1–4, pp. 543–556.
- Kivelson V. *Cartographies of Tsardom: The Land and its Meanings in Seventeenth-Century Russia*. Ithaca, 2006.
- Lantzeff G.V., Pierce R.A. *Eastward to Empire: Exploration and Conquest on the Russian Open Frontier, to 1750*. Montreal, Ont., 1973.
- Lincoln W.B. *The Conquest of a Continent: Siberia and the Russians*. Cornell University Press, 2007.
- Ostrowski D. *Muscovy and the Mongols: Cross-Cultural Influences on the Steppe Frontier, 1304–1589*. Cambridge, UK, 1998.
- Perdue P.C. *China Marches West: The Qing Conquest of Central Eurasia*. Cambridge, MA, 2005.
- Postnikov A. *Russia in Maps: A History of the Geographical and Cartographical Study of the Country*. Moscow, 1996.
- Potter S. On the Thematic Illustrations in Eighteenth-Century Russian Cartography, *Acta Slavica Iaponica*, 1994, no. 12, pp. 180–204.
- Robertson J. *The Case for the Enlightenment: Scotland and Naples 1680–1760*. Cambridge, England, 2005.
- Schilder G. Development and Achievements of Dutch Northern and Arctic Cartography in the Sixteenth and Seventeenth Centuries, *Arctic*, 1984, vol. 37, no. 4, pp. 493–514.
- Shvidkovsky D. *Russian Architecture and the West*, trans. Anthony Wood. New Haven, 2007.
- Slezkine Yu. *Arctic Mirrors: Russia and the Small Peoples of the North*. Ithaca, NY, 1994.
- The American Heritage Dictionary of the English Language*, 4th ed. Boston, 2000, 1107.
- Witzenrath C. *S.U. Remezov, Cossack Adventurer, and the Opening of Siberia, Portraits of Old Russia: Imagined Lives of Ordinary People, 1300–1725*, eds. Donald Ostrowski and Marshall Poe. Armonk, NY, 2011, pp. 209–221.
- Wortman R.S. *Scenarios of Power: Myth and Ceremony in Russian Monarchy*, vol. One: From Peter the Great to the Death of Nicholas I. Princeton, 1995.